

УДК 811.511.143'373.72

О. Ю. Динисламова

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВНЕШНЕГО ВИДА ЧЕЛОВЕКА
В АСПЕКТЕ РАССМОТРЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ
КАТЕГОРИИ «БЕЗОБРАЗНОЕ»**

(на материале фразеологизмов мансийского и русского языков)

В статье рассматриваются фразеологические единицы мансийского и русского языков как лексические средства описания внешности человека в рамках эстетической категории *безобразное* в контексте лингвокультурологического содержания национальных картин мира; выявляется отражение народных представлений о *безобразном*; определяются универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов, при описании *безобразного*; описываются компоненты семантики и образные внутренние формы, создающие национально-культурную специфику исследуемых фразеологизмов. Цель статьи – исследование фразеологизмов, репрезентирующих внешний вид человека и являющихся лексическими средствами репрезентации эстетических чувств и эстетического вкуса мансийского и русского народов, посредством описания существующей в сознании носителей языков эстетической категории *безобразного*.

Ключевые слова: *безобразное*, лингвокультура, эстетическая категория *безобразного*, фразеология, мансийский язык, фразеологизмы мансийского языка, фразеологизмы русского языка, внешний человек, внешность человека, этнокультура.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-343-355

В настоящее время в современном языкознании наблюдается интеграция множества лингвистических направлений (лингвокультурологии, этнолингвистики, эмотиологии и др.), возникает всё больше работ, свидетельствующих о наличии междисциплинарных связей. Изучение лексики и фразеологии мансийского языка с обращением к эмоциям и чувствам его носителей, к культуре и миропониманию, сопоставление его с иными языками тоже вписывается в современный научный контекст исследований и характеризуется особой актуальностью для ряда современных лингвистических дисциплин (этнолингвистики, лингвокультурологии и др.).

У представителей одной и той же лингвокультурной общности совокупность ассоциаций, возникающих при восприятии человеком окружающего мира, складывается в определённую систему, названную Н. И. Жинкиным универсальным предметным кодом [Теория Жинкина], который находит своё языковое выражение в поговорках и фразеологизмах. При этом же совершенно отчётливо он проступает и в метафорах, служащих средством освоения эмпирически познаваемой действительности и в то же время – её оценивания в образах-эталонах, имеющих прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, духовным и материальным ценностям. Вот почему столь важным представляется рассмотрение метафоры, её функциональной роли, в том числе в процессе метафоризации фразеологических выражений.

Анализ метафор, репрезентирующих *безобразное* во внешности человека в мансийском и русском языках, позволяет выявить универсальные и специфичные параметры образности,

лежащей в основе метафорических переносов. Возможность подобного анализа обусловлена общностью лексико-семантических групп, в рамках которых развиваются переносные значения в обоих языках. Таким образом, достоинство метафорического подхода заключается в том, что он даёт возможность отразить внутреннюю семантическую компаративность слов.

Метафора считается эстетически привлекательной и воздействующей на эмоции человека из-за своего когнитивного несоответствия [Tendahl and Gibbs 2008]; это утверждение подтверждается соответствующими нейронными эффектами метафоры [Citron and Goldberg 2013]. Считается, что метафора включает в себя несколько ключевых атрибутов в контексте эмпирического исследования (например, ознакомление, образность, *imageability*) [Cardillo и др. 2010, 2017]. Образность метафоры относится к той степени, которая не соответствует его буквальным аналогам [Mcquige и др. 2016; Cardillo и др. 2010]. Чем более инконгруэнтным является метафорическое выражение, тем труднее его понять [Cardillo и др. 2017]; таким образом, степень образности указывает на сложность метафоры. Ещё одним важным показателем является *imageability* – свойство вербального выражения, указывающее, как легко человек может сформировать связанный мысленный образ [Gargett и др. 2014].

Поскольку философские категории в большинстве случаев – парные понятия, то определение одного из них, как правило, содержит в себе отсылку и противопоставление другому. В этом смысле всякое определение (понимаемое как *определение, установление семантических пределов, границ понятия*) представляет собой *отрицание* противоположности, и именно этот момент подчёркивает Б. Спиноза в знаменитой максиме: «*Omnis definitio est negatio*» («Всякое определение есть отрицание») [Рябов 2014, 662]. Поэтому, чтобы сущностно определить категорию *безобразного*, представляется необходимым рассмотреть эту категорию эстетики в её противопоставлении противоположной ей категории *прекрасного*.

Обе рассматриваемые категории диалектически соотносимы. Их единство состоит в том, что они суть категории эстетические, т. е. такие формы, в которых схватывается неравнодушное эмоционально-ценностное отношение человека к какому-то явлению. Их противоположность же состоит в том, что *прекрасное* связано с отношением симпатии, наслаждения, а *безобразное* – с отношением отвращения, безгливости, презрения.

В Новой философской энциклопедии *прекрасное* определяется как «одна из главных категорий классической эстетики, характеризующая традиционные эстетические ценности. Она выражает одну из основных и наиболее распространённых форм неутилитарных субъект-объектных отношений, связана с эстетическим наслаждением, совершенством, оптимальностью духовно-материального бытия, идеалами, стилем и т. п.» [Бычков В. В., Бычков О. В. 2010, 337]. Под *безобразным* же понимается «одна из основных эстетических категорий, оппозиционная прекрасному; обозначает область неутилитарных субъект-объектных отношений, которая связана с антиценностью, с негативными эмоциями, чувством неудовольствия, отвращения и т. п.» [Бычков В. В., Бычков О. В. 2010, 227].

Безобразное обозначает нечто отталкивающее, вызывающее неудовольствие вследствие своей дисгармоничности, несоразмерности, неупорядоченности, и отражает невозможность или отсутствие совершенства. *Безобразное* характеризует внешне выявленное разрушение некоторой внутренней меры бытия (само слово *безобразное* означает нечто неоформленное, хаотичное, не получившее «образа»).

Безобразное часто определяется как внешнее нарушение определённой меры бытия. Умение разграничивать красивое и безобразное в окружающем мире доступно людям развитым духовно и культурно [Арская, 2002].

По определению С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, под *безобразием* понимается некрасивая внешность, уродство [ТСРЯ 1999, 41]; *безобразное* определяется как нечто крайне некрасивое [ТСРЯ 1999, 41]. Д. Н. Ушаков определяет *безобразие* как крайнюю некрасивость, крайне некрасивую внешность [БТСРЯ 2009, 34]; *безобразное* определяется как нечто весьма некрасивое, уродливое [БТСРЯ 2009, 35].

В рамках данной работы мы попытаемся ответить на следующие вопросы: 1) каким представляется образ человека в эстетической категории *безобразного* в мансийском и русском язы-

ковом сознании; 2) какими являются универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов при репрезентации *безобразного* во внешности человека посредством ФЕ; 3) в рамках каких кодов культуры отражается мировидение мансийского и русского народов в системе рассматриваемых фразеологизмов; 4) какие образы используются во фразеологизмах, репрезентирующих *безобразное* во внешности человека в мансийской и русской фразеологических картинах мира (ФКМ).

Общий корпус мансийских фразеологизмов, репрезентирующих *безобразное* в человеке, составляет **68** единиц; русских ФЕ – **57** единиц. Они получены в результате сплошной выборки из следующих источников: мансийские фольклорные тексты: «Именитые богатыри Обского края» [2010; 2012; 2015; 2018], «Медвежьи эпические песни манси (вогулов)» [2012], «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)» [2005], «Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей» [2010]; личная картотека автора статьи, составленная в процессе работы с носителями языка: М. Т. Двиняниновой, М. В. Кумаевой, Г. П. Масловой-Самбиндаловой (верхнесосьвинский говор), Д. Т. Лисовой, С. С. Динисламовой, В. И. Ивановой (среднесосьвинский говор), Л. Н. Панченко, Т. Д. Слинкиной, Ларионовой Г. Н. (сыгвинский говор); фразеологические словари на русском языке: «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова [17], «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова [18] и «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова [19].

Данные фразеологизмы включают также ФЕ, репрезентирующие некоторые внешне проявляемые характеристики человека (движения) и речевые признаки (особенности речи). Приводимая статистика свидетельствует о приблизительно одинаковой релевантности вербализации *безобразного* в обеих ЯКМ и указывает на то, что и мансийская, и русская лингвокультуры склонны в большей степени вербализировать *безобразие*, чем *красоту*. Преобладание фразеологизмов с отрицательной оценкой внешности в обеих ФКМ подтверждает мысль, что процесс возникновения наименований людей, своим внешним видом вызывающих неприятие, в обоих языковых сообществах всегда связан с высокой степенью эмоционального всплеска по отношению к ним.

В отличие от уродливого или некрасивого, *безобразное* представляет собой не простое отрицание красоты, но в негативной форме содержит представление о положительном эстетическом идеале и выражает скрытое требование или желание возрождения этого идеала. Краткий словарь по эстетике определяет *безобразное* как категорию эстетики, которая обозначает нечто отталкивающее, вызывающее неудовольствие вследствие дисгармоничности, несоразмерности, неупорядоченности, и отражает невозможность или отсутствие совершенства [11]. В соответствии с данным определением в материалы исследования включены не только фразеологизмы, непосредственно репрезентирующие внешнее уродство, некрасивость человека, но также фразеологизмы, репрезентирующие вызывающий неудовольствие внешний вид, облик человека, например, *в̄ати суп* ‘женщина в слишком коротком платье (букв.: короткое платье)’; (*саюм*) *х̄ульың нянь* ‘медлительный, вялый (букв.: (испорченный) рыбный пирог)’; *синий чулок, как (будто, точно) сонная муха* и т. п.

В мансийском языке для репрезентации *безобразного* во внешности человека имеется незначительный ряд синонимичных прилагательных: *н̄тт̄āl* ‘некрасивый’, *хурит̄āl* ‘некрасивый’, *пильсымаң* ‘страшный’, *л̄юль* ‘плохой, небрежный’. Русский язык обладает более богатым лексическим рядом: *некрасивый, уродливый, невзрачный, неказистый, неприглядный, неуклюжий, нескладный, плюгавый, страшный, уродливый, страхолудный, непригожий* и др. Лексемы мансийского языка в отличие от русского не конкретизируют внешние недостатки человека, не акцентируют внимания на физических изъянах.

Если красивая внешность в мансийской ЯКМ рассматривается как *наличие* некоего образа (вида), то безобразная – как его *отсутствие*, что находит отражение в ряде следующих фразеологизмов: *суснэ хури ат ѓньси* ‘некрасивый(ая) (букв.: для смотра образа не имеет)’; *тав ман суснэ хури ѓньси* ‘некрасивый(ая) (букв.: он(а) разве глядеть (смотреть) образ имеет)’; *осэ хурит̄āl* ‘некрасивый(ая) (букв.: кожа лица=его(её) без образа)’ (ср. с русским прилагательным *безобразный*).

Некрасивая внешность женщины и мужчины в мансийской ЯКМ репрезентируется посредством таких фразеологизмов как: *ты маныр сыр пилысьма* ‘некрасивый(ая), страшный(ая) (букв.: это что за такой страх)’; *сунсуңкве пыл ат хõйхаты* ‘некрасивый(ая) (букв.: смотреть даже не годится)’; *ты маныр мат сãс нёл* ‘некрасивый (букв.: это что за берестяной нос)’; *сампал-суппал* ‘некрасивый (человек) (букв.: с половиной глаза-с половиной рта)’.

В ходе анализа фразеологических единиц с семантикой эстетической оценки было выявлено, что отрицательной оценке в мансийском обществе подвергаются такие внешние характеристики человека как:

– избыточный вес и связанные с ним неуклюжесть, неловкость, бесформенность: *сыг поталы* ‘толстый(ая) (букв.: налима комок (кусок)’); *вõиң пурьсы* ‘толстый(ая) (букв.: жирная свинья)’; *нёвлиң-тэпың* ‘здоровый(ая), упитанный(ая) (букв.: мясной(ая)-упитанный(ая)’; *тэпың тãкум хурипа* ‘толстый(ая) (букв.: на упитанную вшу похож(а)’); *хул (сыг) охса* ‘человек с бесформенной фигурой (букв.: рыбы (налима) часть (обрубок)’); *яныг пуки* ‘пузатый (букв.: большой живот)’; *путька хурипа* ‘толстый (мужчина) (букв.: бочке подобный)’; *пõяр хурипа* ‘толстый (мужчина) (букв.: боярину подобный)’; *мис эква* ‘неповоротливая женщина (букв.: корова женщина)’;

– излишняя, непомерная худоба: *аквтон пãртныл сылвес* ‘худой (букв.: будто его из доски вырезали)’; *осья юнтуп* ‘худой (букв.: тонкая игла)’; *тõсам ёхыл* ‘худой, тощий (букв.: сушёная рыба)’; *тõсам пёсь* ‘очень худой, тощий, костлявый (букв.: высохшее бедро)’; *тõсам лув кварек* ‘очень худой, тощий, костлявый (букв.: сухих костей связка)’; *лувтãл-нёвьылтãл* ‘худой, тощий (букв.: без костей-без мяса)’; *тõсам сухопарка* ‘худой, тощий (букв.: сухой сухопарка (заимст.))’; *тõсам нёвьыль* ‘худой, тощий (букв.: сушёное мясо)’; *тõсам тãрка* ‘тощий, худой (букв.: сушёный ёрш)’; *тõсам лувнар* ‘тощий, худой (букв.: сухой скелет)’; *туп самаге хулытсыг* ‘тощий, болезненный (букв.: только глаза остались)’.

Некоторые приобретённые специфические особенности частей тела, например, лысая голова в образе ФЕ *кавалиң пуңк* ‘плешивый(ая), лысый(ая) (букв.: каменная голова)’ или нос с волосами в образе ФЕ *саран нёл, пуның нёл* ‘некрасивый нос (букв.: зырянский нос, волосатый нос)’ могут являться объектами насмешки. Врождённые же физиологические особенности человеческого организма, например, *мãнь порат ул ёл паттыглãлвес* ‘человек, имеющий какой-либо внешний физический порок; глупый (букв.: в младенчестве его, наверное, вниз роняли)’; *кисың лãглуп* ‘кривоногий(ая) (букв.: колесообразные ноги)’; *урың нёлын* ‘горбоносый (букв.: гористый нос имеющий)’; *сови пуңкуп* ‘кривошея (букв.: кривую голову имеющий)’; *пурьсы сампа* ‘маленькие глаза (букв.: свиные глазки имеющий)’; *Порнэ тулёвыл* ‘некрасивые пальцы (букв.: Порнэ пальцы), – как правило, не подвергаются высмеиванию или негативной оценке. Объектом критики, как правило, является нездоровое, запущенное состояние внешне наблюдаемых частей тела, что подтверждается иллюстративным примером фольклора манси, не являющимся ФЕ – *пуңке консэ хõлам Порнэ* ‘(С нездоровыми) зубами, (с обломанными ногтями Порнэ’ [Именитые богатыри 2015, 157].

В мансийском обществе вызывает неодобрение и, соответственно, подвергается критике, в целом, неопрятный внешний вид человека. Так, отрицательно оценивается неаккуратно одетый человек, грязная одежда, неухоженные волосы, что находит отражение в довольно значительном количестве устойчивых выражений, например: *Курилам Куринька* ‘неряшливая женщина (букв.: неопрятная Куринька)’; *саюм юнгап няра* ‘неопрятно, неаккуратно одетый (мужчина), неряха (букв.: с прогнившими пятками няры (мужская обувь)’; *саюм вãй патта* ‘неопрятно, неаккуратно одетая (женщина), неряха (букв.: с прогнившей подошвой кисов (женская обувь)’; *сови юнга* ‘неопрятно, неаккуратно одетый (человек), неряха (букв.: скосившаяся (кривая) пятка (обуви)’; *хасълум росах* ‘неопрятно, неаккуратно одетый (человек), неряха (букв.: рваные (оборванные) обноски (тряпье, рваньё, рванина)’; *пãңкын лõп-лõп* ‘чумазый, грязный’ (букв.: грязный лоп-лоп (звукоподражание)’; *сарың аңквал* ‘неопрятно одетый (букв.: обгоревший пень)’; *тирпың (кирпың) кãсь* ‘неряшливый (букв.: с корочками (грязи) штаны)’; *торси-морси масхатуңкве* ‘неаккуратно одетый (букв.: торси-морси (перевод неизвестен)=как попало

одеться)»; *аныг кās патта* ‘человек, у которого висят штаны (букв.: больших штанов днище)’; *сири-мори нэрись* ‘неаккуратная (женщина) (букв.: сири-мори (перевод неизвестен) женшинка)’; *пунри пунк* ‘лохматый(ая), растрёпанный(ая) (букв.: лохматая голова)’.

О человеке, вызывающем недоумение своим внешним видом, выглядящем нелепо или странно, манси говорят: *ты маныр мат покась* ‘что за чудо (букв.: что это за бревно)’; *ты маныр сопра пūпыг* ‘что за чудо (букв.: что это за странный идол)’; *насмат ёпалы* ‘странно, необычно выглядящий (букв.: как деревянный болван (кукла)’ (оскорб.).

Большое значение у манси придаётся цвету и длине традиционного женского платья. Наряды, сшитые из тканей тёмных оттенков, а также слишком высокий или низкий подол платья неизменно осуждались и подвергались критике, что отражено в следующих фразеологизмах: *пуп Ванька эква* ‘женщина в платье тёмного цвета (букв.: попа Ваньки жена)’; *хоса Руня* ‘женщина в чересчур длинном платье (букв.: длинная Груня)’; *хоса лэгна сākваляк* ‘женщина в платье с чересчур длинным подолом (букв.: длиннохвостая сорока)’; *суп юнтнэ тōрыл ат товлыма* ‘женщина в чересчур коротком платье (букв.: для пошива платья ткани не хватило ей)’; *вāти суп* ‘женщина в чересчур коротком платье (букв.: короткое платье)’. Последнее устойчивое выражение в мансийском языке стало наименованием рода Вадичуповых.

Отрицательной оценке в мансийской культуре подвергаются также некоторые внешне проявляемые характеристики человека, которые не представляют его с хорошей стороны и не приветствуются в обществе. В первую очередь, это медлительность, неповоротливость, вялость и т.п., например: *нэвлам Ванька āги* ‘медлительная девушка (букв.: вялого Ваньки дочь)’; *(саюм) хўлың нянъ* ‘медлительный, вялый; бесхарактерный (букв.: испорченный) рыбный хлеб (=пирог)’; *сома сьг* ‘неповоротливый, медленный (букв.: словно налим)’; *сāвың тўрхул* ‘медлительный, ленный (букв.: ленивый карась)’; *сьг хольт нэвсы (унлы)* ‘неповоротливый, медлительный, вялый (букв.: налим подобно двигается (сидит)’; *нимсарэква хольт нэвсы* ‘медленно двигается (о женщине) (букв.: паучихе подобно двигается)’; *ўлым-олы* ‘медлительный, нерасторопный (букв.: спящим живёт)’.

В мансийском языке в отличие от русского зафиксирован целый ряд устойчивых выражений, репрезентирующих оцениваемые отрицательно особенности речи, например: *вāгтāl улысьлув* ‘человек, говорящий невнятно (букв.: бессильная (ослабевшая) челюсть)’; *нэлум суп* ‘человек с дефектом речи (букв.: часть (кусочек) языка)’; *туртāl хāрмис* ‘человек, говорящий невнятно, сипло (о мужчине) (букв.: без горла (=голоса) бык)’; *утте-потте* ‘человек, который говорит неясно, тянет речь (перевод не известен)’; *харҗаиң тур* ‘хриплый, низкий голос (букв.: заржавевший голос)’.

В русском языке собственно некрасивая, безобразная внешность человека репрезентируется посредством широкого ряда фразеологизмов: *не по душе, смотреть тошно, краше в гроб кладут, ни кожи, ни рожи, страшен (дурён) как смертный грех, урод уродом, рожей (рылом, мордой) не вышел, морда кирпич просит, крысиная морда, страшнее атомной войны, оскорблять глаз своим видом, глядеть (смотреть) не на что, красотой не блещет, на всех зверей похож, лицом (мордой) не вышел.*

В ходе рассмотрения ФЕ с семантикой эстетической оценки было выявлено, что универсально отрицательной оценке в русской ЯКМ, так же как и в мансийской, подвергаются такие общие для женщины и мужчины внешние характеристики, как:

- избыточный вес и связанные с ним неуклюжесть, неловкость, бесформенность: *как свинья разъелась, поперек себя шире (толще), семь на восемь (восемь на семь), в дверь не пролезет (не пройдёт), щёки из-за спины видны, заплыть (заплывать) жиром, лопаться с жиру, в теле;*
- излишняя, непомерная худоба: *глиста глистой, худой как щепка, живые (ходячие) мощи, живой (ходячий) скелет, костями гремит, тощий как сельдь (селёдка), худая (тощая) как вобла, мешок костей, кожа да кости, ходячий труп, глядеть (смотреть) не на что.*

Жидкие, редкие волосы у женщины в русском обществе, как правило, подмечаются и становятся объектом критики, например: *мышинный хвост (хвостик), крысиный хвост (хвостик)*, в то время как жидкие волосы у мужчины или даже их полное отсутствие не обращают на себя

особого внимания, например: *лысый как колено*. В целом, по своему смысловому наполнению категория внешней мужской красоты не симметрична внешней женской красоте, так как по своей ценности уступает ей.

В русском языке при оценивании внешности человека особое внимание уделяется его лицу, в связи с чем в нём присутствует значительное число фразеологизмов, носящих сниженный, даже бранный характер: *ни кожи, ни рожки, рожей (рылом, мордой) не вышел, морда кирпичика просит, крысиная морда, лицом (мордой) не вышел*. Некрасивого, вызывающего неприязнь человека в русской лингвокультуре репрезентируют также такие экспрессивные образные основы, как *смертный грех, атомная война, живой (ходячий) труп*.

Врождённые физиологические особенности человеческого организма, например, *нос картошкой, рачьи глаза, паучьи глазки, утиный нос* и т.п., – как правило, не подвергаются негативной оценке.

Отметим также, что, согласно культурным установкам, русская женщина должна хорошо выглядеть, оставаться женственной, даже если выполняет мужскую работу. В противном случае она подвергается осуждению и вызывает презрительное, отчужденное отношение со стороны окружающих. Излишняя рациональность, твёрдость и жёсткость характера мешают проявлению истинно женских качеств, приводят к утрате женственности и очарования, что отражено в таких фразеологизмах, как *синий чулок* (в значении ‘лишённая женственности и обаяния, непривлекательная, безвкусно одетая женщина’), *мужик в юбке, ломовая лошадь*. Данные фразеологизмы вербализуют представление об антиидеале русской женщины.

Негативной оценке подвергается мужчина, сила которого при отсутствии других необходимых качеств личности становится бесполезной или даже опасной для окружающих, например: *гора мускулов; сила есть, ума не надо*. Критике в русской ЯКМ подлежит и морально слабый мужчина, которого сравнивают с женщиной, тем самым отказывая ему в мужественности, и, следовательно – отрицая его принадлежность к мужскому полу, например: *ломаешься как красна девица, ведёшь себя как баба, треплешься как баба, ведёшь себя как тряпка, вырядился как красна девица*.

Кроме того, отрицательной оценке, как и в мансийской ЯКМ, подвергаются внешне проявляемые такие характеристики человека, как, например: *как (будто, точно) сонная муха, как (словно) черепаха, черепашим шагом (ходом), нога за ногу* и др.

Как и в мансийском, в русском обществе вызывает неодобрение и подвергается критике неопрятный внешний вид человека. Отрицательно оценивается неаккуратно, небрежно, нелепо одетый человек, а также грязная, неухоженная одежда, например: *пугало гороховое; чучело гороховое; шут гороховый; кошка драная; как попало (одет); грязный, как свинья; свинья грязи найдёт*.

В русском языке отражены и отрицательно оцениваемые особенности речи в виде фразеологизмов: *каша во рту и вехотка во рту*.

Анализ фразеологизмов мансийского и русского языков позволил установить, что существенная роль при репрезентации *безобразного* во внешности человека принадлежит *соматизмам*, являющимися важными в силу своей универсальности, обусловленной онтогенетическими функциональными свойствами частей тела человека, компонентами в составе фразеологизмов исследуемых языков. Результаты исследования позволили установить, что 31,2 % ФЕ, репрезентирующих *безобразное* во внешности человека в мансийской, и 43,9 % в русской ФКМ, являются соматическими, что свидетельствует о том, что слова-названия частей тела и в мансийском, и в русском языках при оценивании внешности человека обладают высокой фразеобразовательной активностью.

В исследуемых языках репрезентация *безобразного* во внешности отражена посредством таких соматических компонентов, как: манс. *пунк* ‘голова’, *ос* ‘кожа лица’, *пун* ‘волосы в носу’, *нёл* ‘нос’, *суп* ‘рот’, *нёвыль* ‘мясо’, *пуки* ‘живот’, *сам* ‘глаз’, *лāгыл* ‘нога’, *тулёвыл* ‘палец’, *лув* ‘кость’, *лувнар* ‘скелет’, *песь* ‘бедро’, *улысьлув* ‘челюсть’, *нёлум* ‘язык’, *тур* ‘горло’, *лэз* ‘хвост’; рус. *глаз, кожа, лицо (рожа, морда, рыло), нос, хвост, щёки, спина, тело, жир, кости, скелет, душа, мускулы, колено, рот, нога*.

Соматизмами, носящими национально-культурный оттенок и связанными с этнически маркированными элементами языкового сознания, в мансийском языке являются *пунк* 'голова', *пун* 'волосы в носу', *ос* 'кожа лица', *пуки* 'живот', *тулѣвыл* 'палец', *песь* 'бедро', *улысьлув* 'челюсть', *нѣлум* 'язык', *тур* 'горло'; в русском языке – соматизмы *кожа, лицо (рожа, морда, рыло), щѣки, спина, тело, жир, кровь, душа, колено*.

Таким образом, для исследуемых языков универсальными при репрезентации некрасивой внешности человека соматизмами являются *глаза, рот, кость, скелет, нос, нога, хвост* и *мышцы* (манс. *нѣвиль* 'мясо'; рус. *мускулы*).

Анализ фразеологизмов, репрезентирующих понятие *безобразного*, в исследуемых лингвокультурах позволил выделить универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов.

Представленный фразеологический материал мансийского и русского языков позволяет установить, что в обоих исследуемых языках в составе фразеологизмов активно реализуется *артефактная* метафора, способствующая представлению, осмыслению, познанию и оценке сущности отвлечѣнных понятий в опоре на конкретные образы, отсылая нас к предметному, вещному коду традиционных культур манси и русских. По мнению А. П. Чудинова, в языковой картине данная группа метафор наиболее структурирована, поскольку человек реализует себя в создаваемых им вещах – артефактах, и «...созидательный труд – это деятельностьная концептуализация мира» [Чудинов 2001, 152].

Артефакты неразрывно связаны с человеком в его существовании. Кроме того, «именно в системе артефактов происходят наиболее заметные изменения во времени (новые реалии чаще появляются именно здесь), что делает данную семантическую сферу наиболее активной и подвижной» [Балашова 1999, 10]. Так, артефактная метафора, отсылающая к предметному, вещному коду традиционной мансийской и русской культур, находит отражение в виде следующих артефактов: манс. *пѣрт* 'доска', *пуська* 'бочка', *кис* 'колесо', *ѣпалы* 'деревянный болван (обрубок дерева)', *пўныг* 'идол', *нѣра* 'мужская обувь', *вѣй* 'женская обувь', *кѣсь* 'штаны', *суп* 'платье', *росах* 'обноски (тряпьѣ, рваньѣ, рванина)', *юнтуп* 'игла', *тѣр* 'ткань'; рус. *гроб, кирпич, дверь, мешок, чулок, юбка, пугало, вехотка*. Как видно, артефакты мансийского языка при репрезентации *безобразного* представляют собой преимущественно предметы домашнего быта и одежды, а также предметы религиозного поклонения; а русского языка – предметы быта и элементы одежды. Очевидно, что при сходстве некоторых образных основ (например, *платье* и *юбка, штаны* и *чулок*) отмечается их полное лексическое и коннотативное несоответствие.

В ходе анализа в обоих языках была выявлена *натуроморфная* метафора, объектами ассоциативной проекции которой служат явления природы. Источниками метафорической экспансии в этом разряде служат такие понятийные сферы, как *мир растений, животный мир, мир неживой природы* (ландшафт, метеорология, стихии и др.), то есть социальные реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы.

В понятийной сфере *животный мир* в исследуемых языках наиболее богато и образно выделяется *зооморфная* метафора. Тесно сосуществуя в процессе своего становления и развития с животными, человек никогда не обходился без них. Животные были мерилом многих человеческих качеств, физических и нравственных. Сравнивая животных с человеком, подмечая их поведение, повадки и наблюдая за ними, люди переносили их свойства на человека, так что образы животных заняли прочное место в построении ФЕ каждого развитого языка. Зооморфная метафора в рамках репрезентации *безобразного* во внешнем виде человека в мансийском языке представлена в образах таких животных, как: манс. *хўл* 'рыба', *сўг* 'налим', *тѣрка* 'ѣрш', *турхўл* 'карась', *пўрысь* 'свинья', *сѣквалѣк* 'сорока', *нимсарѣква* 'паучиха', *такум* 'вша', *хѣрмис* 'бык', *ѣква* 'корова'; рус. *зверь, крыса, мышь, свинья, рак, паук, утка, черепаха, сельдь, вобла, муха, глиста, кошка*. Общими для исследуемых ЯКМ являются зоонимические образы *свиньи, паука, рыбы* (манс. *тѣрка* 'ѣрш', *сўг* 'налим', *турхўл* 'карась'; рус. *сельдь, вобла*) и *птицы* (манс. *сѣквалѣк* 'сорока'; рус. *утка*), при этом универсально образ *свиньи* в обоих языках репрезентирует чересчур толстого, а образ *рыб* – болезненного, излишне худого человека.

В рамках натуроморфной метафоры в понятийной сфере *мир растений* универсально была выявлена *фитоморфная* (растительная) метафора. Растительная лексика способна характеризовать бытие и развитие различных сфер не предметного мира, этапы жизни человека, связь поколений внутри рода, внешний облик человека, его внутренний мир. Следовательно, включение знаний о растительном мире в систему средств характеристики человека, «расширение и углубление знаний о самом человеке посредством сравнения и сопоставления, поиска и подобия образам реального мира природы – закономерный и обязательный этап развития человеческого знания о себе и носит универсальный характер» [Богуславский 1994, 190]. Данный вид метафоры находит отражение в виде следующих фразеологизмов: манс. *сырың аңквал* ‘неопрятно одетый (букв.: обгоревший пень)’; *ты маныр мат покась* ‘что это за чудо (букв.: что это за бревно)’; *ты маныр мат сās нёл* ‘некрасивый (букв.: это что за берестяной нос)’; рус. *нос картошкой, худой как щепка, пугало гороховое, чучело гороховое, шут гороховый*. В мансийском языке данные фитонимические компоненты относятся к семантической группе *компоненты растений* (*аңквал* ‘пень’, *покась* ‘бревно’, *сās* ‘береста’); в русском языке – к семантическим группам *растения* (картошка, горох) и *компоненты растений* (щепка).

Натуроморфная метафора, основанная на сравнении с явлениями *неживой природы*, в исследуемых языках отражена в образах таких фразеологизмов, как: манс. *кавалиң пуңк* ‘плешивый(ая), лысый(ая) (букв.: каменная голова)’; *урың нёлын* ‘горбоносый (букв.: гористый нос)’; *харҥаиң тур* ‘хриплый, низкий голос (букв.: заржавевший голос)’; рус. *гора мускулов*. Представленный материал демонстрирует, что в мансийском языке компоненты *неживой природы* относятся к семантическим группам *природные объекты* (*кав* ‘камень’, *ур* ‘гора’) и *вещества* (*харҥай* ‘ржавчина’); в русском языке – только к семантической группе *природные объекты* (*гора*). Универсальным здесь является компонент *гора*, который используется в языках для создания различных образов.

В мансийском и русском языках отражается такой вид концептуальной метафоры, как *антропоморфная*, более широко представленная в русском языке, например: манс. *мāнь порат ул ёл паттыглālвес* ‘человек, имеющий какой-либо внешний физический порок; глупый (букв.: в младенчестве его, наверное, вниз роняли)’; *вāгтāl улысьлув* ‘человек, говорящий невнятно (букв.: бессильная (ослабевшая) челюсть)’; рус. *морда кирпича просит, лицом (мордой) не вышел, костями гремит* и др.

Анализ фразеологизмов, репрезентирующих *безобразное*, позволил выделить в обоих языках *гастрономическую* (пищевую, кулинарную) метафору: манс. *нёвлиң-тэпың* ‘располневший(ая), толстый(ая) (букв.: мясной-упитанный)’; *тэпын тākум хурипа* ‘толстый(ая) (букв.: на упитанную вшу похож(а)’; *тōсам ёхыл* ‘худой, тощий (букв.: сушёная рыба)’; *тōсам нёвиль* ‘худой, тощий (букв.: сушёное мясо)’; (*саюм*) *хулың нянь* ‘медлительный, вялый (букв.: испорченный) рыбный пирог’; рус. *как свинья разъелась, заплыть (заплывать) жиром, лопаться с жиру, каша во рту*. Интересной с точки зрения семантики представляется пара ФЕ *тэпын тākум хурипа* ‘толстый(ая) (букв.: на упитанную вшу похож(а)’ и *как свинья разъелась*. Оба фразеологизма формируют образ толстого человека, ставшего таким вследствие поглощения избыточного количества еды и невозможности остановиться в нужный момент; при этом, несмотря на полное семантическое сходство, данные ФЕ лексически и коннотативно не соответствуют друг другу. Тождественным данным фразеологизмам является также мансийская ФЕ *вōиң пūрысь* ‘толстый(ая) (букв.: жирная свинья)’.

В системе фразеологических выражений, репрезентирующих *безобразное*, присутствует аксиологически маркированный, универсальный образ пространства, создаваемый в результате концептуализации действительности посредством языка и реализуемый в виде *пространственной метафоры*: манс. *мāнь порат ул ёл паттыглālвēs* ‘человек, имеющий какой-либо внешний физический порок (букв.: в младенчестве его, наверное, вниз роняли)’; *хоса Руня* ‘женщина в слишком длинном платье (букв.: длинная Груня)’; *хоса лэгпа сākваляк* ‘женщина в слишком длинном платье (букв.: длиннохвостая сорока)’; рус. *поперек себя шире (толще)*,

семь на восемь (восемь на семь), в дверь не пролезет (не пройдёт), щёки из-за спины видны и др.

Национально-культурной спецификой рассматриваемых фразеологизмов мансийского языка является наличие в их составе *парных* слов, в том числе звукоподражаний: *пāнкын лōп-лōп* ‘чумазый, грязный’ (букв.: грязный лоп-лоп (звукоподражание)); *торси-морси масхатуңкве* ‘неаккуратно одеться (букв.: торси-морси (перевод неизвестен) одеться)»; *сири-мōбри нēрись* ‘неаккуратная, несобранная (женщина) (букв.: сири-мури (перевод неизвестен) женщина)»; *ўлым-ōлы* ‘медлительный, нерасторопный (букв.: спящим-живёт)’.

Следующая отличительная черта мансийских фразеологизмов – наличие в их составе имён собственных, например: *Порнэ тулёвыл* ‘некрасивые пальцы (букв.: Порнэ пальцы)»; *нēвлам Ванька āги* ‘медлительная девушка (букв.: вялого Ваньки дочь)»; *кūрилам Кūринька* ‘неопрятная, неряшливая женщина (букв.: растрёпанная Куринька)»; *хоса Руня* ‘Женщина в чересчур длинном платье (букв.: длинная Груня)»; *пуп Ванька эква* ‘Женщина в платье тёмного цвета (букв.: попа Ваньки жена)’.

Имя *Порнэ* принадлежит героине мансийского фольклора, в котором она зачастую представляется в виде грубой, злой женщины. *Куринькой* является героиня шуточных мансийских песен, в которых она изображается как неопрятная, неаккуратная девушка.

Часто встречающийся смыслообразующий компонент в составе фразеологизмов мансийского языка – типично русское имя *Ванька*, широко распространённое на Руси и бытующее в произведениях русского фольклора (Иван-дурак, Иванушка-дурачок). Образ Ивана-дурака – традиционно русский образ, отражающий связь с социумом, с родом, содержащий социальную характеристику личности. Именно по этой причине данное имя, на наш взгляд, прочно укрепилось в русском фольклоре как отражение народного сознания русских людей, а уже много позже обосновалось в сознании мансийского народа, став вполне типичным и распространённым мужским именем. Видоизменённое имя *Руня* тоже заимствовано из русского языка и восходит к распространённому женскому имени Груня – сокращению от Агриппины либо Аграфены.

Заимствованы из русского языка также лексемы *сухопарка*, произошедшая от прилагательного сухопарый со значением ‘худощавый, поджарый’, *пуп* ‘поп (православный священник)’ и *пōяр* ‘боярин’.

Национально-культурным своеобразием русской ЯКМ при репрезентации *безобразного* является наличие в ней *цветовой* (*синий чулок*), *световой* (*красотой не блещет*) метафор, концептуальной метафоры *вместилища* (*в теле*), а также *числового* кода культуры (ФЕ *восемь на семь*, *семь на восемь* при указании на внешний вид толстого человека).

Способы вербализации фразеологизмов исследуемых языков являются практически одинаковы: в подавляющем количестве случаев они *адъективны*, в их составе используются прилагательные, обладающие смыслообразующей ролью при формировании образов: манс. *кавалиң* ‘каменный’, *сови* ‘кривой’, *хуритāl* ‘некрасивый (букв. без образа)’, *вōиң* ‘жирный’, *нēвлиң* ‘мясной (мясистый)’, *тэпың* ‘упитанный’, *витиң* ‘разбухший’, *кисың* ‘колесообразный’, *пūрысь* ‘свиной’, *урың* ‘гористый’, *сāс* ‘берестяной’, *лувтāl* ‘без костей’, *нēвыльтāl* ‘без мяса’, *тōсам* ‘сухой’, *нēвлам* ‘вялый’, *хўлың* ‘рыбный’, *саюм* ‘гнилой, прогнивший, испорченный’, *хасьлум* ‘оборванный, рваный’, *сāвың* ‘ленивый’, *вāгтāl* ‘слабый, ослабевший’, *кūрилам* ‘неопрятный’, *пāнкын* ‘грязный, чумазый’, *сярың* ‘обгоревший’, *тирпың* ‘с корочками (грязи)’, *сопра* ‘странный’, *туртāl* ‘безголосый (=без горла)’, *харңаиң* ‘ржавый’, *пунри* ‘лохматый, растрёпанный’, *пуның* ‘волосатый’, *саран* ‘зырянский’, *хоса* ‘длинный’, *вāти* ‘короткий’, *яныг* ‘большой’, *мāнь* ‘маленький’, *осься* ‘тонкий’; рус. *страшный*, *дурной*, *смертный*, *крысиный*, *мышинный*, *рачий*, *паучий*, *утиный*, *лысый*, *широкий*, *толстый*, *живой*, *ходячий*, *худой*, *тощий*, *гороховый*, *огородный*, *дранный*, *грязный*, *сонный*, *черепаший*, *синий*.

Результатами анализа фразеологизмов при репрезентации *безобразного* во внешности человека в мансийской и русской ЯКМ являются следующие выводы:

1) Согласно представлениям манси и русских, одинаково некрасив человек, и наделённый избыточным весом, и обладающий излишней, непомерной худобой. Некоторые приобретён-

ные специфические особенности частей тела могут быть объектами насмешки; врождённые же физиологические особенности человеческого организма, как правило, высмеиванию или негативной оценке не подвергаются. Объектом критики в обеих культурах является неухоженное, запущенное и нездоровое состояние внешне наблюдаемых частей тела. Неопрятный внешний вид человека вызывает неодобрение в обеих культурах. Так, отрицательно оцениваются неаккуратно или нелепо одетый человек, грязная одежда, обувь, неухоженные волосы, что отражено в довольно значительном количестве устойчивых выражений обоих языках. Универсально отрицательной оценке подвергаются также некоторые внешне проявляемые характеристики человека (нерасторопность, заторможенность, медлительность), которые не представляют его с хорошей стороны и не приветствуются в рассматриваемых обществах, а также некоторые отрицательно оцениваемые особенности речи (нечленораздельность, неясность и т.п.).

2) Основное средство создания образности ФЕ мансийского и русского языков при репрезентации *красоты* человека – это метафора. Постоянно общими моделями для сопоставляемых языков являются: гастрономическая, антропоморфная, пространственная, артефактная и натуроморфная (фитоморфная, зооморфная и метафора неживой природы). Помимо универсальных, в русском языке присутствует цветовая метафора.

3) Исследуемые ФКМ имеют поликодовый характер и универсально связаны с такими кодами культуры, как соматическим, зооморфным, природным, растительным, антропным, пространственным, гастрономическим и предметным кодами; при этом в мансийской ФКМ отмечается тяготение к природному, а в русской – к антропному кодам. Помимо универсальных, в русском языке присутствуют цветовой и числовой коды культуры.

4) В результате предпринятого анализа рассматриваемых мансийских и русских ФЕ было установлено, что общечеловеческое мировидение мансийского и русского народов при репрезентации *безобразного* во внешности человека выявляется в несущественном количестве образов. Так, универсальны для обеих ЯКМ образы, реализуемые посредством:

– соматических компонентов: *глаз, рот, кость, скелет, нос, нога, хвост и мышцы* (манс. *нѣвьиль* ‘мясо’; рус. мускулы);

– зоонимических образов: универсальны для исследуемых ЯКМ зоонимические образы *свиньи, паука, рыбы* (манс. *тѣрка* ‘ѣрш’, *сѣг* ‘налим’, *турхул* ‘карась’; рус. *сельдь, вобла*) и *птицы* (манс. *сѣкваляк* ‘сорока’; рус. утка), при этом образ *свиньи* в обоих языках репрезентирует чересчур толстого, а образ *рыб* – излишне, болезненно худого человека;

– образов неживой природы: универсален при репрезентации *безобразного* во внешнем виде человека образ *горы*, который используется в языках для создания различных образов (для описания горбоносого человека в мансийском языке и наличия силы у мужчины при отсутствии других необходимых качеств в русском языке).

Рассмотрев универсальные и специфические особенности фразеологизмов, репрезентирующих *безобразное* в человеке в мансийской и русской ЯКМ, можно прийти к следующему выводу: совпадения в образных картинах мира неизбежны и в силу единства человеческого феномена, и в результате частичного совпадения картины объективной реальности. Однако, как показал анализ, тождественность языковых значений не означает полной идентичности. Напротив, в большинстве случаев наличествует частичная идентичность в значениях сопоставляемых языковых явлений. Она часто не вытекает из различий в отражаемой действительности, а основывается на различных возможностях языкового выражения идентичных предметов и ситуаций окружающего мира в сопоставляемых языках. Таким образом, большинство рассматриваемых ФЕ мансийского и русского языков, репрезентирующих *безобразное* во внешнем виде человека, обладают ярко выраженными национально-культурными чертами.

СОКРАЩЕНИЯ

манс. – мансийский язык; *рус.* – русский язык; ФЕ – фразеологическая единица; ЯКМ – языковая картина мира; ФКМ – фразеологическая картина мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Арская М. А.* Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное / безобразное) и ее онтология в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 185 с.
- Балашова Л. В.* Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XIV вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 42 с.
- Богуславский В. М.* Человек в зеркале русского языка, культуры и литературы. М.: Космополис, 1994. 237 с.
- БТСРЯ* – Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д. Н. Ушаков. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2009. 960 с.
- Бычков В. В., Бычков О. В.* Безобразное // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.
- Бычков В. В., Бычков О. В.* Прекрасное // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 3. 692 с.
- Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей / Сост. Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2010. 648 с.
- Именитые богатыри Обского края. Книга вторая. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. 171 с.
- Именитые богатыри Обского края. Книга третья. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 204 с.
- Именитые богатыри Обского края. Книга четвертая / под ред. С. С. Динисламовой. – Тюмень: ООО «Формат». 2018. 214 с.
- Именитые богатыри Обского края. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 150 с.
- КСЭ* – Краткий словарь по эстетике. URL: <http://estetiks.ru/bezobraznoe.html> (дата обращения: 14.11.2018).
- Медвежья эпические песни манси (вогулов) / Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. 658 с.
- Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).
- Рябов А. А.* Попытка диалектического определения эстетических категорий прекрасного и безобразного // Молодой ученый. 2014. № 7. С. 662–666. URL: <https://moluch.ru/archive/66/10867> (дата обращения: 05.02.2019).
- Теория Н. И. Жинкина об особых кодах внутренней речи. URL: <https://lektsia.com/1x5a37.html> (дата обращения: 14.01.2019).
- ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- ФСРЛЯ* – Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. Москва: Астрель, АСТ, 2008. 880 с.
- ФСРЯ* – Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. Москва: Русский язык, 1986. 543 с.
- ФССРЛЯ* – Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеол. единиц: в 2 т. / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. Москва: Флинта, Наука, 2004. 830 с.
- Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
- Cardillo E. R., Schmidt G. L., Kranjeck A., Chatterjee A.* Stimulus design is an obstacle course: 560 matched literal and metaphorical sentences for testing neural hypotheses about metaphor // Behavior Research Methods. 2010. №42 (3). Pp. 651–664.
- Cardillo E. R., Watson C., Chatterjee A.* Stimulus needs are a moving target: 240 additional matched literal and metaphorical sentences for testing neural hypotheses about metaphor // Behavior Research Methods. 2017. №49 (2). Pp. 471–483.
- Citron F. M. M., Goldberg A. E.* Metaphorical sentences are more emotionally engaging than their literal counterparts // Journal of Cognitive Neuroscience. 2013. № 26 (11). Pp. 2585–2595.
- Gargett A., Ruppenhofer J., Barnden J.* Dimensions of metaphorical meaning // Zock M., Rapp R., Huang C.-R. (Eds.), Proceedings of the 4th Workshop on Cognitive Aspects of the Lexicon, Dublin, Ireland, August 23, 2014. Pp. 166–173.
- Mcquire M., Mccollum L., Chatterjee A.* Aptness and beauty in metaphor // Language and Cognition. 2016. № 9 (2). Pp. 316–331.
- Tendahl M., Gibbs R. W.* Complementary perspectives on metaphor: cognitive linguistics and relevance theory // Journal of Pragmatics. 2008. № 40 (11). Pp. 1823–1864.

Поступила в редакцию 10.01.2019

Динисламова Оксана Юрисовна,
научный сотрудник,
БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок»
628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14А
e-mail: o.dinislamova@yandex.ru

O. Yu. Dinislamova

Representation of a person's appearance in terms of consideration of the aesthetic category of "ugliness" (on material of phraseological units of the Mansi and Russian languages)

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-343-355

The article deals with phraseological units of the Mansi and Russian languages as lexical means of description of a person's appearance within the framework of the aesthetic category of "ugliness" in the context of the linguocultural content of national pictures of the world; reflection of people's ideas about "ugliness" is revealed; the universal and specific parameters of figurativeness of metaphorical expressions in description of "ugliness" are determined; the components of semantics and internal figurative forms that create the national-cultural specificity of the considered phraseological units are described. The purpose of the article is to study phraseological units representing the appearance of a person and being lexical means of representation of aesthetic feelings and aesthetic taste of the Mansi and Russian peoples by describing the aesthetic category of the "ugliness" existing in the minds of native speakers.

Keywords: "ugliness", linguistic culture, aesthetic category of "ugliness", phraseology, Mansi, phraseological units of the Mansi language, phraseological units of the Russian language, an "external" person, appearance of a person, ethnic culture.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 2, pp. 343–355. In Russian, Mansi.

REFERENCES

Arskaya M. A. *Semanticheskaya kategoriya esteticheskoi otsenki (prekrasnoe / bezobraznoe) i ee ontologiya v sovremennom nemetskom yazyke: Dis. ... kand. filol. nauk.* [Semantic category of aesthetic evaluation (the beautiful / the ugly) and its ontology in the modern German language. Cand. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2002. 185 p. In Russian.

Balashova L. V. *Rol' metaforizatsii v stanovlenii i razvitiі leksiko-semanticheskoi sistemy (na materiale russkogo yazyka XI–XIV vv.): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The role of metaphorization in the formation and development of lexical-semantic system (on the material of the Russian language of XI–XIV centuries). Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]: Saratov, 1999. 42 p. In Russian.

Boguslavskii V. M. *Chelovek v zerkale russkogo yazyka, kul'tury i literatury* [Man in the mirror of Russian language, culture and literature]. Moscow, Kosmopolis Publ., 1994. 237 p. In Russian.

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya redaktsiya [Large explanatory dictionary of the Russian language. Modern edition]. D. N. Ushakov. Moscow, OOO «Dom Slavyanskoj knigi» Publ., 2009. 960 p. In Russian.

Bychkov V. V., Bychkov O. V. *Bezobraznoe* [The ugly]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Moscow, Mysl' Publ., 2010. Vol. 1. 744 p. In Russian.

Bychkov V. V., Bychkov O. V. *Prekrasnoe* [The beautiful]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Moscow: Mysl' Publ., 2010. Vol. 3. 692 p. In Russian.

Geroicheskii epos mansi (vogulov): Pesni svyatykh pokrovitelei [Heroic epos of the Mansi (Voguls): Songs of the saint patrons]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk, OOO «Print-Klass» Publ., 2010. 648 p. In Mansi, Russian.

Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga vtoraya [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands. The second book]. Khanty-Mansiysk, Izd-vo Yugrafika Publ., 2012. 171 p. In Hungarian, Russian, Mansi.

Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga tret'ya [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands. The third book]. Khanty-Mansiysk, Yugorskij format Publ., 2015. 204 p. In Hungarian, Russian, Mansi.

Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga chetvertaya [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands. The fourth book]. Ed. by S. S. Dinislamova. Tyumen, OOO «Format» Publ., 2018. 214 p. In Hungarian, Russian, Mansi.

Imenitye bogatyri Obskogo kraya [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands]. Khanty-Mansiysk: IIC YUGU Publ., 2010. 150 p. In Hungarian, Russian, Mansi.

Kratkii slovar' po estetike [Brief dictionary of aesthetics]. In Russian. URL: <http://estetiks.ru/bezobraznoe.html> (accessed 14 November 2018).

Medvezh'i epicheskie pesni mansi (vogulov) [Bear epic songs of the Mansi (Voguls)]. Ed. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk, Print-Klass Publ., 2012. 658 p. In Mansi, Russian.

Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov) [Myths, fairy tales, legends of the Mansi (Voguls)]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005. 475 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 26) [Monuments of folklore of the people of Siberia and the Far East. Vol. 26]. In Mansi, Russian.

Ryabov A. A. Popytka dialekticheskogo opredeleniya esteticheskikh kategorii prekrasnogo i bezobraznogo [The attempt of the dialectical definition of the aesthetic categories of the beautiful and the ugly]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2014, no. 7, pp. 662–666. In Russian. URL: <https://moluch.ru/archive/66/10867> (accessed 19 November 2018).

Teoriya N. I. Zhinkina ob osobykh kodakh vnutrennei rechi [Theory by N. I. Zhinkin about special codes of internal speech]. In Russian. URL: <https://leksia.com/1x5a37.html> (accessed 19 November 2018).

Tolkovyii slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. S. I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. In Russian.

Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinits [Phraseological dictionary of Russian literary language: approx. 13000 phraseological units]. Ed. by A. I. Fedorov. Moscow, Astrel', AST Publ., 2008. 880 p. In Russian.

Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka [Phraseological dictionary of the Russian language]. Ed. by A. I. Molotov. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1986. 543 p. In Russian.

Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: bolee 35000 frazeol. edinits: v 2 t. [Phraseological dictionary of the modern Russian literary language: more than 35000 phraseological units: in 2 vol.]. Ed. by A. N. Tikhonov. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2004. 830 p. In Russian.

Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive research of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t Publ., 2001. 238 p. In Russian.

Cardillo E. R., Schmidt G. L., Kranjeck A., Chatterjee A. Stimulus design is an obstacle course: 560 matched literal and metaphorical sentences for testing neural hypotheses about metaphor. *Behavior Research Methods*, 2010, no. 42 (3), pp. 651–664. In English.

Cardillo E. R., Watson C., Chatterjee A. Stimulus needs are a moving target: 240 additional matched literal and metaphorical sentences for testing neural hypotheses about metaphor. *Behavior Research Methods*, 2017, no. 49 (2), pp. 471–483. In English.

Citron F. M. M., Goldberg A. E. Metaphorical sentences are more emotionally engaging than their literal counterparts. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2013, no. 26 (11), pp. 2585–2595. In English.

Gargett A., Ruppenhofer J., Barnden J. Dimensions of metaphorical meaning. In: Zock M., Rapp R., Huang C.-R. (Eds.), *Proceedings of the 4th Workshop on Cognitive Aspects of the Lexicon*, Dublin, Ireland, August 23, 2014. Pp. 166–173. In English.

Mcquire M., Mccollum L., Chatterjee A. Aptness and beauty in metaphor. *Language and Cognition*, 2016, no. 9 (2), pp. 316–331. In English.

Tendahl M., Gibbs R. W. Complementary perspectives on metaphor: cognitive linguistics and relevance theory. *Journal of Pragmatics*, 2008, no. 40 (11), pp. 1823–1864. In English.

Received 10.01.2019

Dinislamova Oksana Yurisoyna,
Researcher,

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A
e-mail: o.dinislamova@yandex.ru